

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

POLITICAL DISCOURSE: TO THE CONCEPT DEFINITION

N. Ravochkin

Summary. In this paper, the author attempts to define political discourse for philological science as one of the most researched today in the framework of interdisciplinary approaches. The appeal to the unity of "language-politics" is being made. Modern approaches to understanding the object of research within the framework of domestic political linguistics are analyzed. The contribution of each direction is noted. In accordance with the logic of work, the main characteristics and structural components of the phenomenon under study are presented. Necessary clarifications and clarifications are given. In conclusion, the author defines political discourse as a contextually determined language component of political practice.

Keywords: discourse, language, politics, political linguistics, author, addressee.

Равочкин Никита Николаевич

*К.ф.н., доцент, Кемеровский государственный
сельскохозяйственный институт
nickravochkin@mail.ru*

Аннотация. В настоящей работе автор предпринимает попытку дать определение политического дискурса для филологической науки как одной из наиболее исследуемых сегодня в рамках междисциплинарных подходов. Производится обращение к единству «язык-политика». Проанализированы современные подходы к пониманию объекта исследования в рамках отечественной политической лингвистики. Отмечен вклад каждого направления. В соответствии с логикой работы приведены основные характеристики и структурные компоненты исследуемого феномена. Даются необходимые пояснения и уточнения. В заключение автор определяет политический дискурс как контекстуально детерминированную языковую составляющую политической практики.

Ключевые слова: дискурс, язык, политика, политическая лингвистика, автор, адресат.

Актуальность исследования проблематики как синкретического единства «язык-политика» обусловлена, главным образом, «лингвистическим поворотом» в современной философской мысли, открывающим возможность приближение к механизмам мышления, а значит и трансформациями языка как динамической системы. Это в свою очередь определяет мировую эволюцию форм политической коммуникации и представлений об институте лидерства между акторами в политических пространствах. Политический дискурс, по нашему заявлению, представляет собой один из наиболее приоритетных инструментов в борьбе за власть ввиду невозможности игнорирования лингвистических особенностей субъектов и, как следствие, формирования общественного сознания. Все отмеченное выше способствует популяризации политической лингвистики, понимающей под одной из главных задач проведение анализа соответствующего ей прагматически-ориентированного дискурса. В настоящей работе автор на основе анализа современных подходов и междисциплинарных работ предпринимает попытку дать собственное видение понятия «политический дискурс».

Одной из проблемных сторон рассматриваемого в работе феномена является вопрос о политической составляющей как таковой. Это связано хотя бы с тем, что само понимание политики в современном постмодернистском мире достаточно размыто и порой неопределенно. Отметим, что само политическое измерение имманентно присутствует в любых суждениях человека, так

или иначе обращенных к обществу. Каждый сознательный индивид, как-либо воспринимающий политические тексты, ввиду их злободневности и прагматического содержания, неизбежно задается вопросом по поводу образа их авторов. Тем самым, очевиден непроизвольный выход за рамки современного понимания автора политического текста только лишь как языковой личности. Когнитивные процессы и механизмы самоидентификации ставят также вопросы о том, на какого адресата или группы адресатов обращен конкретный политический текст, и какие цели преследовал его автор. Любой политический дискурс осуществляется в определенном контексте, где автор и адресат, являющиеся его участниками, приобретают или иные социальные роли, имеющих сильную корреляционную связь с набором совершаемых ими действий, при исследовании которых определяется их участие в политической жизни общества. В результате этого с учетом произошедшего взаимовлияния образов автора и адресата происходит появление текстов. Для увеличения вероятности достижения конкретных целей автору при создании текста необходимо учитывать социальные характеристики массового адресата, побуждая его к совершению соответствующих действий.

Возвращаясь к постижению содержания политического дискурса, солидаризируемся с В. М. Качаловой, которая отмечает, что «к началу XXI в. проблема планомерного и комплексного исследования дискурса выходит на первый план. Политический дискурс уже представля-

ет собой престижную и, что немало важно, востребованную сферу» [12]. Проблематика политического дискурса исследуется в трудах зарубежных (Р. Айви, Р.Д. Андерсон, Р. Водак, Т. ван Дейк, Р. Карпентер, Ю. Линк, У. Маас, В. Риккерт, М. Осборн, С. Томпсон, Н. Фэрклау, П. Чилтон, З. Эгер) [1] и отечественных лингвистов (В.Н. Базылев, Э.В. Будаев, О.Л. Михалева, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал) [18].

Современная лингвистика рассматривает политический дискурс с позиций узкого и широкого подходов. В узком смысле «политический дискурс» определяется как «разновидность дискурса, целью которого является завоевание, осуществление и сохранение политической власти» [16]. Такое дефинирование предполагает, что политический дискурс может представлять собой текст, так или иначе детерминированный ситуацией политической коммуникации. Самым ярким примером являются ситуация обретения власти. По нашему мнению, наиболее выдающимся представителем данного подхода к определению политического дискурса является уже упомянутый Т.А. ван Дейк [23]. Этот исследователь считает, что политический дискурс является собственно дискурсом политиков и реализуется в виде «правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» [16]. Приверженность институциональному подходу определения политики обязывает отметить предназначение политического дискурса. Главным образом, оно будет направлено на смысловую составляющую организации политической жизни. В первую очередь сюда относятся политический процесс и деятельность его отдельных субъектов, сопряженная с выбором и артикулированием ими собственно политического курса. Несмотря на важность речевых актов и собственно текстов, такое понимание политики указывает, что они являются лишь частью реализуемых политических дискурсов [10]. Исследователи, которых через анализ их трудов мы можем отнести к представителям институционального подхода, предлагают некоторый «константный перечень параметров политического дискурса». Сюда традиционно относятся характерные ему конститутивные признаки (организация дискурса, способы общения, участники, условия), признаки институциональности (по линиям участников коммуникации, по ее целям и условиям), типы институционального дискурса (определение типа общественного института) и нейтральные признаки (как «строительный материал» дискурса) [11; 21; 25].

При широком подходе политический дискурс охватывает не только формы коммуникации, имеющие к политике, но и сами «процессы порождения и восприятия текстов и экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие» [2]. Политические тексты, выступающие доминантой и служащие средством

коммуникации в политической сфере, являются вербальным результатом этой дискурсивной деятельности [3; 15; 16]. Ю.А. Сорокин определяет политический дискурс как эксплицитно прагматичный особый тип идеологического дискурса [20]. Как известно, цель любой идеологии заключается во внедрении конкретно спроектированных общих идей (идеологем) в индивидуальное и массовое сознание. Такие идеи формируют мировоззрение, отвечающее классово-политическому восприятию действительности. По мнению А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича, содержание политического дискурса составляют не только вся множественность проявляющихся в политических дискуссиях речевых актов, но также и те правила, по которым устроена и функционирует публичная политика [6].

Сущность идеологии, необходимой для более детального изучения политического дискурса, можно обнаружить в «бинарных оппозициях», указывающих на антагонизм по отношению к оппоненту. Так, тексты политического дискурса строятся на ценностных оппозициях как, например «коммунизм-антикоммунизм», «демократия-антидемократия», в которой что-либо является как ценность, вторая часть высказывания наделена приписываемой оппонентам ценностью со знаком «минус» [22]. Универсальный характер оппозиции «свой — чужой» указывает на жёсткость и категоричность аксиологического фундамента, где «свой» всегда однозначно трактуется как «хороший» и «правильный», а «чужой» приобретает диаметрально противоположное значение, что достаточно легко увидеть в логике и сущности властных отношений [19]. Изучение составляющих компонентной структуры (участники, цели, хронотоп, стратегии, тематика, жанры, ценности и другие элементы) политического дискурса достаточно полно представлено Е.В. Долговой [9]. Тексты, используемые в рамках политического дискурса, непосредственно создаются политиками и используются в процессе коммуникации каждого политического события [16]. Политический дискурс в своей реализации, как пишет М.Г. Цуциева, является открытой подвижной системой, представляя собой «поликодовое дискурсивное политическое пространство социального взаимодействия, реализуемое как вербальными, так и невербальными (визуальными) средствами и характеризующееся интердискурсивностью» [26].

К широкому пониманию политического дискурса также относится семиотическая концепция Е.И. Шейгал. Политический дискурс рассматривается в качестве знаковой системы, в которой «модифицируются функции разных языковых единиц и стандартных речевых действий». По ее мнению, политический дискурс следует определить как «знаковое образование, имеющее два измерения — реальное и виртуальное, при этом в реаль-

ном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [1; 30].

Поэтому не только текущая речевая деятельность в сфере политической коммуникации, но и некое семиотическое пространство, имеющее набор речевых действий и жанров, специфических для этой сферы общения, образует политический дискурс. Широта подхода Е.И. Шейгал позволяет трактовать политический дискурс как разновидность институционального дискурса, «использующего определенную систему профессионально-ориентированных знаков, обладающего собственным подязыком (специальной лексикой, фразеологией, паремиологией)» [1].

Обращение к данной позиции, как и ее содержательный анализ, не является случайным, поскольку она созвучна авторским воззрениям по поводу содержания политики. В таком понимании политического дискурса видится преобладание инструментализма, ведь основной функционал изучаемого объекта, по Е.И. Шейгал, сводится к выгоде от его (ис)пользования в качестве инструмента политической власти, т.е. уже обозначенным борьбой за власть, ее сохранение, осуществление и т.д. Тем более, в рамках такого инструментального видения языка политики она выделяет следующие функции и задачи: социальный контроль (в значении манипуляции общественным сознанием); легитимизация власти (аполитетика решений относительно распределения властных и других ресурсов); воспроизводство власти (умножение приверженности системе); ориентация (формирование карты политической реальности в общественном сознании); социальная солидарность (интеграция в рамках отдельных социальных групп и всего социума); социальная дифференциация (маргинализация; выбор референтных политических групп по некоторым признакам); агональная функция (создание и поддержание напряженности; провокации); акциональная (осуществление политики, например, через активизацию и организацию сторонников властей) [1; 29; 30]. Отмеченные функции политического дискурса не исчерпывают их перечень. Так, в качестве дополняющих функций можно привести относимые С.Н. Колесниковой интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; развитие конфликта и установление консенсуса; осуществление вербальных политических действий и информирование о них; создание и интерпретацию «языковой реальности» поля политики; манипуляцию сознанием и контроль действий политиков и электората [13]. Продолжая рассматривать функции политического дискурса нельзя не упомянуть

и так называемую «магическую» или «заклинательную» функцию. Основу этой функции составляет неконвенциональная трактовка языкового знака. Слово представляет собой не условное обозначение некоторого предмета, но является его частью. В качестве наблюдаемых проявлений данной функции в политическом дискурсе как наиболее значимые относятся такие феномены как табуированная лексика и эвфемизмы [8].

В объективных отношениях господства-подчинения человек проявляет собственную субъективную духовную волю и формирует соответствующее политической сфере некое специфическое «сознание». В рамках схожего понимания М. Фуко считал дискурс инструментом подчинения, который, легитимизируя необходимое видение мира, исключает или затрудняет существование иных интерпретаций одного и того же временного отрезка [24; 27].

Вклад А.П. Чудинова, заключающийся в определении дискурсивных характеристик политической коммуникации, помогает нам вплотную приблизиться к определению понятия «политический дискурс». В своей работе в качестве таковых для политической коммуникации он выделяет следующие дискурсивные характеристики: общедоступность, эзотеричность, ритуальность, институциональность [28]. Если политику и общество рассматривать как суть тождественные по объему категории, то справедливо будет понимать политический дискурс как «выражение всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира» (Д.В. Архипкин) [5]. А.Н. Баранов усматривает назначение развитой системы политической коммуникации «в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия», а значит и нормальное функционирование власти [7]. Политический дискурс в их совместной Е.Г. Казакевичем работе определен как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [6]. Таким образом, назначение политического дискурса предопределяется в качестве стремления к успешному осуществлению коммуникации (по принципу сокрытия «ненужных» и «артикулирования» нужных мыслей), удовлетворяющей в определенной мере всех членов социума [6].

Все выявленные выше обстоятельства способствуют уточнению понимания политического дискурса. Политический дискурс будучи социальным продуктом, интерпретирует само социальное — мир политики во всех его связях. Он совмещает в себе антагонистические аспекты: политические и социальные, культурологиче-

ские и лингвистические. Сфера политического воссоздает мысленный мир, в котором с точки зрения определенной идеологии описываются не только реальное и нереальное, но желаемое (необязательно всегда достижимое) будущее положение. Политический дискурс неоднороден: внутри него идет сражение за «истинное» видение мира между различными точками зрения, текстами, задаваемые идеологиями и паттернами. Поэтому при рассуждении о политическом дискурсе невозможно игнорирование идеологических дискурсов. Именно так дискурс продуцирует значимые конструкты [12]. В политическом дискурсе наблюдается ярко выраженное прагматическое начало. Язык способен выступать не только в качестве средства отображения политической реальности, но и как компонент политического поля. Политический дискурс одновременно оказывается и уже, и шире чисто языкового дискурса. Политический дискурс может сужаться вплоть до дискурса целедостижения или же, наоборот, выходить за пределы дискурса речевой деятельности [10].

В современном обществе логично указать на многообразии политического дискурса, что исходит из многообразия собственно политических взаимодействий. Конкретное событие неизбежно приводит к оформлению соответствующего дискурса. Процессы по принятию и исполнению политических решений, протесты против определенных политических сил, экологическая или культурная политика, осуществляемая властью — каждое из этих и других видов взаимодействий отражаются в соответствующих видах дискурса, задающих векторы их смыслов и реагирования индивидов, позволяют людям адекватно реагировать на действия друг друга.

Политический дискурс, в сравнении с другими его видами, получает свое более частотное проявление в социуме. Кроме того, сама политика в реалиях Постмодерна не является четкой дефинируемым термином. Понимая ее через призму дискурса, укажем на ее спонтанный и, во многом, непредсказуемый характер. Говоря о современной политической деятельности, Е. В. Пилюгина подчеркивает, что ее «интенции часто латентны и неочевидны, хотя и властны. Эти интенции — производные паттернов и аттракторов социальной реальности, в том числе, вызваны историческими связями и взаимодействиями» [17]. Одни и те же события могут репре-

зентироваться различными ракурсов, что лишний раз указывает на контекстуальный характер политического дискурса и его зависимости от сложной совокупности аспектов и условий.

Отсюда и приведенный выше плюрализм мнений, свидетельствующих об отсутствии полного и однозначного определения политического дискурса, равно как и набора универсальных признаков, отделяющих его от других типов дискурса [8]. Позиция С. В. Кузьминой на предмет видения политики как практики конгруэнтна нашей. Она дает одно из обстоятельных определений политического дискурса как способа «толкования социальной реальности в ключевых терминах политики (прежде всего, власти) ... вид практической речевой деятельности, структурированный соответствующими текстами (понятиями, концептами) и обслуживающий политические процессы» [14]. Разграничение дискурсов сегодня затрудняется, во многом, из-за их междисциплинарного характера. Так, например многие типы дискурсов, будь то медицинский или экологический, ввиду их злободневности, ошибочно принимаются за политический. Политический дискурс достаточно пересекается и с другими типами дискурса (например, с массово-информационным, педагогическим, повседневным, рекламным, религиозным, юридическим). Также социально-экономическая и политическая ситуация в государстве задают набор условий, демонстрирующих успешность или неэффективность политического дискурса. В свою очередь, политический дискурс накладывает отпечаток на социально-экономическую и политическую жизнь страны. Связь политического дискурса с вопросами различных сфер общественной жизни страны и международными отношениями в очередной раз доказывает справедливость мнения Е. И. Шейгал по поводу того, что «дискурсы (любого вида и формы) могут быть выявлены, описаны и поняты лишь в контексте». Выходит, что тематика, которую затрагивает политический дискурс, обуславливается функционированием политического языка [4].

В завершение данной статьи через анализ корпуса работ автор решает поставленную цель, предлагая собственное понимание категории «политический дискурс» для лингвистики. Политический дискурс определяется нами как языковая составляющая политической практики, зависящая и разворачивающаяся от контекста ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Е. Ю. Политический дискурс: к вопросу о понимании и определении // Профессиональное образование и общество. — 2014. — № 3 (11). — С. 11–18.
2. Алешина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М.: Прометей, 2015. — 220 с.
3. Алифанова Ф. С., Сенцов А. Э. О некоторых особенностях политического дискурса // Молодой ученый. — 2015. — № 11. — С. 1778–1780.
4. Аристотель Политика. — М.: Рипол Классик, 2007. — 508 с.

5. Архипкин Д. В. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // В сборнике: Актуальные вопросы филологической науки XXI века сборник статей по материалам третьей Всероссийской научной конференции молодых ученых: в 2 частях / Под общей редакцией Ж. А. Храмушиной, А. С. Поршневой, Л. А. Запеловой, А. А. Ширшиковой; Уральский федеральный университет, кафедра иностранных языков Физико-технологического института. — 2013. — С. 15–18.
6. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). — М.: Знание, 1991. — 64 с.
7. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. — 1997. — № 6. — С. 108–118.
8. Деревянко В. Г. Дискурс как коммуникативное событие // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. — 2016. — Т. 1. — № 1 (9). — С. 115–122.
9. Долгова Е. В. К проблеме определения институционального дискурса. Дискурс средств массовой информации // В сборнике трудов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке». — 2014. — С. 113–124
10. Ильин М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 5–21.
11. Карасик В. И. Дискурс // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия / Составление К. Ф. Седова. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 162–196
12. Качалова В. М. Политический дискурс как проблема отношений языка и власти // Новая наука: Современное состояние и пути развития. — 2016. — № 3–2. — С. 31–35.
13. Колесникова С. Н. Политический дискурс: основные характеристики // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. — Ч. 2. — Иркутск: БГУЭП, 2007. — С. 47–52.
14. Кузьмина С. В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: социология, политология. — 2011. — Т. 11. — № 2. — С. 54–56.
15. Лесняк М. В. Тоталитарный дискурс как тип политического дискурса // Научная мысль Кавказа. — 2012. — № 2 (70). — С. 154–157.
16. Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 35–41.
17. Пилюгина Е. В. Дискурс в политике и политика как дискурс: актуальные резонансы социального бытия постмодерна // Евразийский журнал региональных и политических исследований. — 2013. — № 23 (314). — С. 42–48.
18. Семкин М. А. Политическая лингвистика как направление современного дискурс-анализа // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — Т. 1. — № 36–1. — С. 94–97.
19. Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1. — С. 34–38.
20. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. — М., 1997. — С. 57–62.
21. Сухорукова О. Н. Структурно-семантические и функциональные особенности телескопических единиц в массово-информационном дискурсе (На материале англоязычной прессы). Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2004. — 170 с.
22. Тетиор А. Н. Древние животные корни идеологий человечества // WschodnioeuropejskieCzasopismoNaukowe. — 2017. — № 2–1 (18). — С. 69–74.
23. Фауль Б. В., Демин Т. С. Теун Ван Дейк и современный дискурс-анализ // Филология и литературоведение. — 2015. — № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://philology.snauka.ru/2015/09/1686> (дата обращения: 23.09.2018)
24. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. — 2008. — № 2 (65). — С. 159–262.
25. Халатян А. Б. Особенности организации современного политического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2010. — № 6. — С. 51–54.
26. Цуциева М. Г. Речевой жанр в дискурсе языковой личности политика // В сборнике: Медиалингвистика. — Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Санкт-Петербург, 2014. — С. 165–167.
27. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 176 с.
28. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 256 с.
29. Шейгал Е. И. Проблемы анализа политического дискурса // В сборнике: Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики) Сб. обзоров. Сер. «Теория и история языкознания». — Отд. Языкознания / Отв. ред.: Опарина Е. О., Казак Е. А. — М., 2005. — С. 51–70.
30. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. — Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. — 440 с.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»